

РЕЦЕНЗИИ И КОММЕНТАРИИ

А. Ю. Прокопьев

ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА ПОД ВЗГЛЯДОМ ПОЛИТОЛОГА¹

Не должно удивлять обилие литературы, появившейся к печальной годовщине 1618 г. Но также как и в юбилей Реформации, бурно предшествуемый множеством больших и малых публикаций, нынешняя книжная «волна» побуждает скорее задуматься о структурных сдвигах самой науки больше, нежели чем любоваться достижениями отдельных коллег. Возможно ли отстаивать ремесло и метод историка на его же собственном поле, или они все больше зависят от импульсов извне, со стороны смежных и даже не самых родственных социальных дисциплин? Или: сколь успешной может быть игра на «чужом» поле со стороны не историков по профессии? И сколь убедительны будут попытки инструментализировать прошлое руками именно неисториков?

Внушительный труд известного немецкого политолога и специалиста в области «идейной истории» Херфрида Мюнклера, законченный как раз к печальной дате, наводит на подобные вопросы, и кажутся они при его прочтении далеко не праздными. Перед нами почти тысячестраничный том, озаглавленный как «Тридцатилетняя война. Европейская катастрофа, немецкая драма 1618–1648». Роскошно изданный в твердом переплете хлопотами солидного издательства «Ровольт», он снабжен черно-белыми иллюстрациями, вольно подписанными самим, надо полагать, автором, правда, не всегда с указанием на первоисточники².

¹ Статья написана при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект: № 17-01-00121-ОГН «Европа в эпоху Реформации и Контрреформации: Дипломатическая переписка европейских дворов XVI – первой половины XVII вв.).

² *Münkler, H. Der Dreissigjährige Krieg. Europäische Katastrophe, Deutsches Trauma*
© А. Ю. Прокопьев, 2018

Мюнклер никогда прежде специально не занимался Тридцатилетней войной — небольшой очерк, вышедший одновременно с книгой в 2017 г., являет собой лишь выжимку из заключения³. Более того, политолог-философ по образованию, он никогда не заострял свое внимание на аспектах немецкой истории: в его работах они проходили лишь фоном и средством дидактики теоретических постулатов. Гораздо ближе он стоял к истории идей на переломе. Прежде всего, к политической доктрине Возрождения, которой — в лице Макиавелли — была посвящена его диссертация⁴. Его всегда интересовал момент разрыва с прошлым и перспектива, от которой всегда можно оттолкнуться, чтобы вновь дешифровать прошлое. Заблуждением, впрочем, будет полагать мифологему дидактики в трудах политолога. Он инструментализирует прошлое именно как политолог — исторический опыт для преодоления текущих проблем. И здесь проблематика войны и мира как структурных явлений интересует его более всего. Не перечисляя всех работ, так или иначе связанных с войной, отметим их общую направленность: Мюнклер хочет описать, противопоставить и инструментализировать «эпоху Клаузевица» и «постмодерн» в его глобальном, политическом течении⁵. Клаузевиц для него — воплощение доктрины симметрии, той теории войны, которая возникла и сложилась в столетиях раннего Нового времени. И которая до сих пор опасным мифом доминирует в сознании европейцев, прежде всего немцев. Опасным потому, что современный мир показывает границы теории Клаузевица, отрицает и разрушает ее постулаты. Примеры тому черпаются преимущественно из Ближнего Востока и Северной Африки⁶. В локальных конфликтах, в феномене

1618–1648. Berlin, 2017.

³ Münkler, H. Der Dreissigjährige Krieg als Analysefolie für heutige Kriege, in: *Politik im Zeichen der Reformation — der lange Schatten von 1517* / Hrsg. von K. Abmeier. Köln, 2017. S. 47–51.

⁴ Münkler, H. Machiavelli. Die Begründung des politischen Denkens der Neuzeit aus der Krise der Republik Florenz. Frankfurt am Main, 2004.

⁵ Münkler, H. 1) Die neuen Kriege. Reinbek, 2002; 2) Über den Krieg. Stationen der Kriegsgeschichte im Spiegel ihrer theoretischen Reflexion. Weilerswist, 2003; 3) Clausewitz' Theorie des Krieges. Baden-Baden, 2003; 4) Der Wandel des Krieges. Von der Symmetrie zur Asymmetrie. Weilerswist, 2006.

⁶ Например: Münkler, H. Der neue Golfkrieg. Reinbek, 2003.

исламского терроризма и ИГИЛ почтенному знатоку политологии и социальных наук кажутся все признаки распада общественных моделей, породивших доктрину Клаузевица. Войны возвращаются к структурам «асимметрии», обретают гибридные формы, не имеют четких границ во времени и пространстве, движущие силы их — люди и лидеры — не связаны с прежними законами элит и государственных субсистем. И самое главное: современную гибридную и асимметричную войну невозможно описать цельным явлением, ибо по природе своей она не несет структурное единство причин — они всегда дисперсны, многослойны и не формируют стабильную конфигурацию, «иерархию» причин. Доктрина Клаузевица с ее формулой «принятости» причин, форм и разрешения, т. е. всеми признаками «симметричности», ушла в прошлое. Что перед нами? Надвигающееся «прапрошлое». Мюнклер понимает под ним эпоху до Вестфальской системы, период начала Нового времени, когда кровавым комком сплелись и спрессовались конфессиональные, политические и экономические противоречия. Они взорвались каскадом войн, почти столетних противостояний и разрешились в муках оснабрюкских и мюнстерских пактов 1648 г. Готово лиобщество современной Германии к такого рода вызовам? У Мюнклера есть серьезные сомнения на это счет. Доверие к традиционным институтам войны и мира все больше диссонирует с реалиями глобальной политики. Немцы слишком привыкли к незыблемости законов войны и мира, к неколебимости Вестфальской системы, и потому столь беззащитны перед выпадами тех, кого считают террористами и которые по большому счету представляют прорыв давно забытых явлений⁷.

Так тема Тридцатилетней войны получает в глазах автора бесспорную актуальность, злободневность и вместе с тем четкую теоретическую направленность. Если другой капитальный труд нашего автора, о Первой мировой войне, объяснял историческое следствие Вестфальской системы и цивилизационные сдвиги последнего столетия, то Тридцатилетняя война призвана описать рождение нового — фазу предстояния, генезис и итоги самой борьбы.

Открывая книгу, кажется, рискуешь иметь дело с настоящим манифестом. Мюнклер не стесняется форм и свободно структурирует содержание. Введение не только в весьма настойчивой

⁷ *Münkler, H. Der Dreissigjährige Krieg. S. 37–38.*

форме преподносит стремление актуализировать прошлое именно из политических условий настоящего, но в сущности уже содержит выводы ко всей книге. Мюнклер заявляет о типологическом сходстве Тридцатилетней войны с асимметричными конфликтами на сегодняшнем Ближнем Востоке, показывает линии «родства» в военно-политическом аспекте и возглашает 1648 г. опытом разрешения одного из первых в истории Запада гибридных конфликтов в рамках мюнстерских статей — путем структурной элиминации отдельных направлений. «Смешение различных типов войн, — пишет Мюнклер, — было именно тем, что чрезвычайно затрудняло окончание войны вообще. Если б речь шла только о том, чтобы военным путем решить вопрос, будет ли принадлежать та или иная территория или даже регион тому или иному государю, то решился бы он быстро в решающей битве конкурентов. Но поскольку в Тридцатилетней войне лишь добавлялись проблемы различных типов войны, ни одно из сражений не могло стать решающим, дабы его результаты могли быть признаны воюющими сторонами именно как решающие. Имелось слишком много вопросов, которые нуждались в единовременных ответах. Лишь в Вестфальском порядке война была признана практической и решающей инстанцией политических конфликтов»⁸. И далее следует экскурс в функциональную специфику употребления ресурсов, военного финансирования и обеспечения армии: даются меткие портретные зарисовки вождям, особенно Валленштейну и Мансфельду, объясняется многослойность войны как функции, нетипичной для современности. И на последних страницах того же «Введения» эффектный раздел: «Война и мы»⁹. Он призван убрать все сомнения в корректности аналогий перед лицом столь опасных испытаний европейской цивилизации начала нового тысячелетия.

Заглянем в конец: он словно бы абсолютной симметрией завершает введение, разве что четче обозначены аналогии и сходства — параллели с Ближним Востоком и войной в Афганистане¹⁰. Поясняется, что есть конец Вестфальской системы и какие довестфальские элементы можно разглядеть в деятельности ИГИЛ

⁸ *Münkler, H. Der Dreissigjährige Krieg. S. 31.*

⁹ *Münkler, H. Der Dreissigjährige Krieg. S. 36–39.*

¹⁰ *Münkler, H. Der Dreissigjährige Krieg. S. 812–842.*

или афганских вождей периода советского вторжения. Все, что упаковано между первой и последней сотней страниц, выступает громадной, старательно развернутой попыткой обосновать пути развития и опыт преодоления гибридных войн. Разумеется, подобный ракурс с самого начала притупляет восприятие чисто академического исследования.

И неизбежно жанр манифеста входит в первое и резкое противоречие с историографической традицией: автор как политолог убийственно высокомерно отодвигает всякую необходимость анализа собственно историографии Тридцатилетней войны. Ибо сама война сегодня утратила функцию политического манифеста для немцев. Она стала антикварным предметом, к тому же еще оттененным драмой Второй мировой войны. Автору не откажешь в сочности характеристик: подобно немцам XIX в., видевших события 1618–1648 гг. источником скорби и унижения, живой травмой и, как следствие, выставивших себя жертвами несправедливости, правомочных на возмездие, столь же симметричен нынешний взгляд на Вторую мировую войну — историческая память разорения и бедствия с опасной тенденцией к постановочной жертвенности.

Итак, война 1618 г. сегодня — лишь предмет антикварного интереса для самих историков. Они не способны ее актуализировать за рамками чисто антикварного дискурса. Этим же Мюнклер объясняет голод на крупные обобщающие монографии, посвященные войне за последние почти семьдесят лет. Ученые мужи обследуют лишь отдельные детали. Единственной работой крупного обобщающего порядка названа почему-то лишь знаменитая книга Веджвуд. Вышедшая на исходе века двадцатого книга Гюнтера Барудио для автора, видимо, не в счет, хотя ее же автор упоминает — правда, в другом контексте — как пример либеральной актуализации прошлого в годы рождения объединенной Европы¹¹. Кроме того, еще десять лет назад появилась обзорная работа К. Кампманна, важная именно в теоретическом аспекте, ибо подводит итоги дискуссии последних пятидесяти лет¹². Х. Мюнклер ее также упоминает, но по ходу дела, не считая, видимо, достойной отсылки во введении.

¹¹ *Barudio, G. Der teutsche Krieg. 1618–1648. Frankfurt am Main, 1985.*

¹² *Kampmann, Chr. Europa und das Reich im Dreißigjährigen Krieg. Geschichte eines europäischen Konflikts. Stuttgart, 2008.*

Наконец, за последние три года появился целый ряд вполне достойных объемных историй войны, как, например, книга английского коллеги Петера Вилсона, переведенная на немецкий язык¹³. Пробел выглядит досадным упущением. Тем более что указанные монографии, написанные как раз профессиональными историками, трактуют войну под совершенно иным углом зрения.

Итак, историческая наука в чистом виде, или, как пишет автор, в ее «антикварном» значении, решительно отодвинута на задний план. Историк, копаясь в малоизученных пластах, не способен развернуть проблему под качественно иным углом зрения. Здесь явно проглядывает гордость за собственный профессиональный почин: политологу дано взглянуть на прошлое продуктивней служителей Клио.

Посмотрим, как автор разворачивает свои рассуждения. Структурно текст образует гигантскую дугу, с вопиющей диспропорцией хронологического охвата: событиям до Пражского мира (грубо говоря, первой половины войны) отдано 629 страниц, в то время как завершающая фаза занимает — включая дискурс о Вестфальском мире — лишь менее двухсот (с. 635–815)! Казалось бы, здесь нет ничего удивительного: пожалуй, кроме новых исследований Кампманна и отчасти Вильсона, мы видим относительно сбалансированный охват. Корифеи минувшего века придерживались той же линии: вспомним хотя бы последний том классической работы Морица Риттера¹⁴. Последний этап войны занимает в нем едва ли сто страниц, и это при том, что пролог обыгрывается целым первым томом! Но то историк по профессии. Здесь же пишет политолог, актуализирующий прошлое. И пока мы оставим наши наблюдения, чтобы вернуться к ним позже.

Мюнклер явно стремится преодолеть классическую линию стартового материала. Кратко обозначив, для чего книга и как призывает она видеть трагедию XVII в., автор неизбежно должен

¹³ *Wilson, P. Europe's Tragedy: A History of the Thirty Years War. London, 2009.* Фундаментальное исследование Г. Шмидта вышло уже в нынешнем году и может в своей заключительной части считаться ответом на воззрения Х. Мюнклера: *Schmidt, G. Die Reiter der Apokalypse. Geschichte des Dreißigjährigen Krieges. München, 2018.*

¹⁴ *Ritter, M. Deutsche Geschichte im Zeitalter der Gegenreformation und des Dreißigjährigen Krieges. (1555–1648). Stuttgart, 1908. Bd 3.*

зататься вопросами причины следствий. Он решает его весьма эффективным подходом. События в Праге, т. е. завязка драмы, поставлены наперед размышлений о причинах и поводах¹⁵. Более того, обзор майской «дефенестрации» резко персонализирован: взгляд сосредоточен на ключевых фигурах и их судьбах в 1618–1619 гг. Драматургический выигрыш бесспорен: от судеб одного или двух людей к размышлениям о причинах трагедии. Нельзя сказать, что прием совершенно нов. Знаменитая трилогия Рихарды Гух — полуроман-полуэссе — вся построена на подобной асимметрии¹⁶. Но, очевидно, именно здесь комбинация двух опций помогает изложению: впереди слишком много размышлений и лучше бы не терять времени на долгий пролог. Причины и поводы видятся Мюнклеру смешанными, гибридными по своей природе. Он убедительности ради обращается к логике Фукидида, подобно тому, как Гюнтер Барудио искал в нем же задачи по поиску истины. Фукидид, впрочем, важен, не только своим очень броским и красивым статусом: автор явно хочет видеть уже у него, в седой античности, прототип генезиса современной войны и переложить его мысли на канун 1618 г. У Тридцатилетней войны не было структурной иерархии причин: таков лейтмотив рассуждений. Уже Шиллер, по мнению Мюнклера, был близок к подобной оценке, хотя и с высот собственной просвещенческой философии. Не случайно здесь и обращение к уже упомянутому произведению Рихарды Гух: война на его страницах вспыхнула как-то незаметно. Нельзя выставить ни одно событие или же причину ключевой для развязки. Будто бы поток, некое гигантское цунами неспешно и целюно набирало мощь. Смешанность причин и поводов лежала основой трагедии. Выстраивание структуры (изложение спора за Марбург между двумя линиями Гессенского дома, основание Лиги и Унии, спор вокруг юлих-бергского наследства) показывает не линию эскалации, а, скорее, линию взаимосвязи и взаимозависимости¹⁷. Вновь весьма эффективным выглядит пассаж о неизбежности войны, где роль оптического

¹⁵ *Münkler, H.* Der Dreissigjährige Krieg. S. 41–52.

¹⁶ *Huch, R.* Der große Krieg in Deutschland. Leipzig, 1912–1914. Bd 1–3. В 1929 г. этот монументальный труд был издан второй раз под названием «Тридцатилетняя война» и с тех пор неоднократно переиздавался.

¹⁷ *Münkler, H.* Der Dreissigjährige Krieg. S. 52f.

центра играет трагичная фигура кардинала Мельхиора Клезля. Мюнклеру важно показать на примере знаменитого советника времен императора Матфея (1612–1619), сколь успешны были бы попытки иначе посмотреть на события тех лет. Здесь мы в первый раз сталкиваемся с характерным авторским приемом: актуализация темы подкрепляется актуализацией взглядов отдельных персонажей. Клезль, по Мюнклеру, был одним из немногих, кто пытался вывести ситуацию на принципиально новый уровень понимания. Ему приписывается желание «территориализировать» проблему, ограничив конфессиональные аспекты владетельными территориями, и договориться о мире в самой Империи уже отдельными политическими группами. Иными словами, политически сохранить цельный организм, предоставив вопросы веры исключительно территориальным властям¹⁸. Мюнклер не поясняет детально «концепцию» Клезля, хотя по сути она должна была стать предвестницей Вестфальской системы. Впрочем, отсутствие развернутых комментариев закономерно: осовременить кардинала едва ли возможно, свое видение проблемы он упаковывал в обычное русло династическо-конфессиональных компромиссов. К тому же приходилось ему действовать на все время сужающейся площадке переговоров, при все более растущем давлении радикалов со стороны двора, Лиги, Испании. Заметим, однако, что пример Клезля будет не единственным, на примере которого и путем только лишь пространных рассуждений автор будет пытаться убедить читателя в верности подхода. Апелляция к личности у Мюнклера не означает всестороннее знакомство или же попытку исследования этой личности. Вновь манифест побеждает исследователя. И в конце раздела вновь дидактика теории: «Если верно, что, как будет показано в центральном разделе, Тридцатилетняя война много больше войн XVIII и XIX вв. подходит для нашей современности как аналитическая модель религиозно обоснованной и конфессиональной войны, то занятие ею равно как с ее предысторией выступает школой политического дискурса»¹⁹.

¹⁸ *Münkler, H.* Der Dreissigjährige Krieg. S. 67–75.

¹⁹ *Münkler, H.* Der Dreissigjährige Krieg. S. 120.

Следующий за тем очерк богемской и пфальцской войны постоянно релятивирует автономность ее как отдельного этапа. Автор повествует о событиях периода, нарочито не пытаясь навязать устоявшееся членение. Обратим на это внимание, ибо позже столь же последовательно не будет акцентироваться выделение так называемого франко-шведского периода. Причина проистекает из желания связать этап с системой в целом — с имперской и большой международной политикой. Здесь, однако, дается мало что нового. В конце концов, историки минувших лет, и особенно Ф. Пресс, постоянно подчеркивали интегральность первого периода, хотя и говорили о «немецкой половине» войны²⁰. Автор чем дальше, тем больше сваливается на детальное описание событий, следуя обычной канве и постоянно повторяя хорошо известные детали. Смесь стратегического очерка с экскурсами в область микроистории на примере портретных зарисовок вождей армий и макроисторическим охватом (международные комбинации, втягивание в конфликт соседних держав) едва ли придает этому разделу, обнимающему свыше ста страниц, образ чего-то нового. Если исключить отдельные пассажи относительно тактики и стратегии (акцент на смешанность типов и полиформизм военной практики) и акцентирование действительно мало пока изученных элементов, перед нами — не самый сильный очерк начального периода войны. Дело не спасает и заключительный раздел, посвященный пропаганде и символикe. Помещенный явно с желанием использовать свежие наработки, он становится простым «идейным» придатком обрисованной панорамы. Итоги же видятся вполне банально: радикалы во главе с императором мечтали о полной реставрации позиций католической церкви, структурный сдвиг в пользу Лиги и радикалов бесспорен, немецкие протестанты с 1623 г. вынуждены действовать на сужающемся пространстве собственных возможностей. Ни один из этих тезисов не поставлен под сомнение сегодняшними исследователями, даже теми, кто более или менее полно разделял ревизионистские подходы²¹.

²⁰ Press, *V. Kriege und Krise. Deutschland 1600–1715*. München, 1991. S. 195f.

²¹ *Kampmann, Chr. Europa und Reich...* S. 45f.; *Press, V. Kriege und Krise...* S. 195–204; *Brockmann, T. Dynastie, Kaiseramt und Konfession. Politik und Ordnungsvorstellungen Ferdinands II. im Dreißigjährigen Krieg*. Paderborn, 2011; *Albrecht, D.*

Автор пытается подвергнуть пересмотру начало датского периода: с его точки зрения, часто в работах фигурирует лишь дата провозглашения короля Датского Христиана IV протектором нижнесаксонского округа (1625). По его же мнению, окончание пфальцско-богемского периода почти сразу же переросло в продолжение противостояния²². Цель все та же: отделить точку зрения историков от политолога-теоретика, склонного видеть системные сдвиги, порожденные войной. Но напомним: почти во всех известных и крупных работах окончание борьбы за Пфальц хронологически не отделяется сколь-нибудь большим зазором от датского периода. По крайней мере, органичное средостение между двумя этапами постоянно подчеркивалось подавляющим большинством исследований, начиная с Морица Риттера и его «малогерманских» коллег²³.

Логика Мюнклера понятна: показать превращение имперского конфликта в фантом, все сильнее вовлекавший в свою орбиту структуры социальных связей, внутренних и внешних, и все острее ставивший вопрос о способности элиты контролировать его ход.

Описание датской кампании изобилует хорошо известными деталями, часто напоминающими отдельные стратегические очерки. Сильней, чем прежде, представлена комбинация опций. Автор выигрышно для показа меняет угол зрения. Постоянно чередуются «политические», «конфессиональные», микро- и макроуровни. Результатом же становятся, однако, суждения, уже известные исследовательскому цеху и лишь повторенные автором. Что Тилли как военачальник был политически зависим от Лиги, не играл или даже не хотел играть первую скрипку в большой игре, известно со времен биографий Онно Клоппа и Бернда Рилля²⁴. Что знаменитый генерал был поклонником «марианского культа», опять же показано ранними биографами (почитаем того же Клоппа).

Maximilian I. von Bayern 1573–1651. München, 1998.

²² *Münkler, H.* Der Dreissigjährige Krieg. S. 241–242.

²³ *Ritter, M.* Deutsche Geschichte... Bd 1; *Opel, O. J.* Der niedersächsisch-dänische Krieg. Bd 1. Halle, 1878.

²⁴ *Klopp, O.* Tilly im Dreißigjährigen Krieg. Stuttgart, 1861. Bd 1–2; *Rill, B.* Tilly. Feldherr für Kaiser und Reich. München, 1984.

Несколько более свежими выглядят портрет и карьера Валленштейна. В рассуждениях автора его фигура несомненно играет одну из центральных функций: показать человека, узаконившего внеструктурный фантом войны. Неслучаен поэтому резкий сдвиг в биографии: для Мюнклера Валленштейн сызмальства — человек карьеры и войны, не теоретик, не конфессор, не любитель наук и искусств. Лишь в той мере, в какой идеал придворного, занесенный из Италии, мог соответствовать его надеждам, он увлекался итальянским миром — начиная со знания языка и заканчивая проходимцами из своего окружения: астрологами и старшими офицерами (Пикколомини)²⁵. Именно подобный тип должен был прийти к месту в разгар кризиса. И место это — как старт карьеры — не чешский эпизод, а восточный фронт, борьба с Бетленом Габором в 1623 г. Сама она стала свидетельством интернационализации войны как процесса и потребовала иных тактических навыков, нежели на Западе. Валленштейн со своими навыками легкоконной маневренной войны оказался на высоте положения²⁶. Несомненно, здесь автор расходится с версией «чешского старта».

Более тривиальными выглядят причины противостояния его с элитой Империи. Что его карьера раздражала сословия по статусу особых полномочий и восхождению на одну ступень с лидерами, давно известно. Хотя вторая половина тезиса — о генералиссимусе как выскочке, мозолившем глаза курфюрстам, — звучит несколько более актуально: в большинстве работ речь идет преимущественно о факторе влияния и институционализации его военной власти, вносившей разлад во всю систему сложившихся норм. Автор, кажется, мог быть более продуктивным, разве если он именно «титularный» мотив кризиса в отношениях Валленштейна с элитой, но подобный разворот противоречил бы главной задаче: показать современность его военной системы как инструмента политической воли. И значительная часть текста дарована его армии, феномену созидания и степени эффективности.

Автор постоянно настаивает на разрыве с предшествовавшей практикой формирования и содержания имперских войск. Валленштейн создал новый институт самоокупаемости войны, не будучи, однако, в полном смысле слова кондотьером, подобно

²⁵ *Münkler, H. Der Dreissigjährige Krieg. S. 251–253.*

²⁶ *Münkler, H. Der Dreissigjährige Krieg. S. 255–256.*

деятелям минувших столетий. Для Мюнклера важно показать рождение тем самым одной из причин, воспроизводивших саму войну, — мобилизации и передислокации огромной массы людей, кормившихся за счет своих и чужих. Армия все больше становилась самостоятельной силой процесса войны, а возможности ее окончания во многом напрямую зависели от баланса содержания военной машины. Так возник импульс большой длительности, сравнимый с деятельностью современных вооруженных формирований террористов на Ближнем Востоке. Таким образом наметился структурный сдвиг в основаниях самого конфликта. Не случайно поэтому, все больше погружаясь в структурную почвенность, автор все меньше интересуется формальными хронологическими границами: окончание датского периода и начало шведского все больше выступают размытыми границами, все больше предпочтений дается глобальному обзору, позволяющему показать логичность продолжения, «увекочивания» вооруженного противостояния внутри Империи. Некоторые тезисы здесь вновь спорны: разрыв валленштейновского эксперимента с предшествовавшими нормами имперского права сегодня не столь подчеркивается историками, особенно на начальном этапе говорится о не противоречии полномочий Валленштейна предшествовавшему опыту. Признаем, однако, новаторство Мюнклера в аспектах системного анализа: проблема армии и общества раннего Нового времени заявлена если не с вполне современных позиций, то, во всяком случае, лежит в тренде современных социальных изысканий. Осмелимся даже поставить вопрос иначе: можно ли поделить всю войну на два периода — до выступления на авансцену крупных вооруженных сил как самостоятельного фактора процесса социального конфликта и до окончания, т. е. до институционализации условий, содействовавших напряженности? Заслуживают внимания и отдельные аспекты стратегического анализа: Валленштейн, пожалуй, впервые столь последовательно характеризуется носителем концепции оборонительной войны, войны неспешных решений, войны на истощение. Тезис этот последовательно подкрепляется описанием кампании 1626 г. и битвой у Дессауского моста²⁷. В свою очередь сильно

²⁷ *Münkler, H. Der Dreissigjährige Krieg. S. 324–333.*

структурированная панорама экспедиции Мансфельда и герцога Веймарского в Силезию и Венгрию вновь возвращает к проблемам «гибридности» и вереницы «решений» и «нерешений». Мюнклер не сообщает ничего нового по деталям, но старательно ищет им применение на пользу собственной концепции.

Впрочем, кульминация теоретических суждений достигается анализом Любекского мира и Реституционного эдикта.

Для автора Любекский мир стал возможностью императора обратить победоносную внешнюю войну в войну внутреннюю, и это логично предстало на страницах эдикта о Реституции в марте 1629 г. Виноваты в этом повороте были прежде всего представители элиты, не захотевшие понять невозможность решения конфликта на двух отдельных уровнях: имперском с врагами империи и религиозном — между короной и протестантами. «Для одного нужно было одно решение, для другого — другое, и, поскольку курфюрсты и имперские сословие этого не сделали, они предоставили императору возможность обратить успешную во вне войну в войну внутреннюю, благодаря чему подверглись бы ревизии свыше полувека имперской истории. Из конфликта держав вновь возникла религиозная война внутри Империи, которая в свою очередь породила вновь все предпосылки развязать борьбу за гегемонию. Так в начале 1629 г. был упущен шанс покончить с войной во всех ее проявлениях»²⁸. Тезис о «точке невозврата» 1629 г. не новый. Под разным соусом его преподносили со времен Ранке, Хуртера и «малогерманцев». Была лишь разница в системных оценках. Сослагательное наклонение вообще образует общее место на страницах книги, и вопрос, были ли бы удовлетворены протестантские и католические сословия только лишь военной победой над Данией, всяко следовало бы оставить за рамками анализа. Тем более что имелись веские доводы к обратному: готовность к вмешательству Швеции безотносительно Реституционного эдикта и проблема, созданная самим Валленштейном и его армией. Как раз дебаты в Регенсбурге 1630 г. и обнажили противоречия, давно имевшиеся и без санкции на реституцию духовных владений. По Мюнклеру, ответственность за новый виток войны

²⁸ *Münkler, H. Der Dreissigjährige Krieg. S. 374.*

должны нести прежде всего радикалы из окружения Фердинанда во главе с иезуитами, подтолкнувшие к изданию рокового документа, хотя сам он возлагает долю вины и на княжескую элиту. Так автор выстраивает картину взаимосвязи частного и общего: мир не состоялся по вине лишь одной из партий вопреки общим универсальным структурным предпосылкам. Ниже этот же тезис разъясняется по линии «военно-политической» и «религиозной» составляющей. «Если взглянуть на общий ход Тридцатилетней войны, — пишет Мюнклер, — то Реституционный эдикт выступает самой тяжелой ошибкой императора, поскольку он уничтожил политические плоды побед его победоносной армии. Эдикт воспрепятствовал трансформации военного успеха в политическую стабильность и содействовал тому, что на протяжении ближайших десятилетий позиции императора стали зависеть только от военной удачи. Когда эта удача перестала сопутствовать ему и его партии, как в первое военное десятилетие, отход на политическую почву ему был перекрыт, поскольку он упустил момент заполучить ее умной мировой сделкой. Если бы победители в нидерландско-датской войне проявили бы столь же большую уступчивость, что и в отношении Дании на Любекском мире, то войне с большей долей очевидности наступил бы конец...»²⁹. И дальше: «Очевидно, это не означает, что мы имеем дело с фактическим противоречием имперской политики: обе линии можно свести в единый курс отношений, если исходить из того, что Вена и Мюнхен были столь уступчивы по отношению к датскому королю только по причине желания развязать себе руки в империи. Там должно было осуществиться более важное для Максимилиана и Фердинанда, нежели формирование прочных позиции на Балтики, а именно ликвидация протестантизма и осуществление контрреформации. Это означало, что им судьбы религиозной войны были важнее борьбы за гегемонию. Что они при этом не увидели — тесную взаимосвязь обоих уровней, которые невозможно было бы расчленивать, как бы они того желали, и это имело следствием, что политика реституции призвала ближайшие силы интервенции на немецкий театр: Швецию Густава Адольфа и на заднем плане его Францию Ришелье».

²⁹ *Münkler, H. Der Dreissigjährige Krieg. S. 379.*

Мало того что бросается в глаза противоречие авторской мысли («ошибка» императора косвенно возложена почти на всю имперскую элиту, хотя первоначально говорится только об инициативе короны), сами события описываются частями субсистемных категорий. Признавая тесную взаимосвязь «политического» и «религиозного», «внешнего» и «внутреннего», Мюнклер, тем не менее, упрекает князей и корону в невозможности отделить субсистемные основы акций, т. е. в том, что сделать они никак не могли *sui generis*! Политолог с высот сегодняшнего дня обвиняет людей XVII в. в неумении видеть явления глазами его, политолога! Между тем уже давно именно среди историков остро дискутируется вопрос о специфике «политического» мышления времен Тридцатилетней войны, раннего Нового времени вообще. И сам автор, казалось бы, должен был гораздо бережней отнестись к столь сложному вопросу, имея за плечами серьезное исследование, гораздо более «историчное» и менее «политизированное»³⁰. Внешняя опасность (Датский фактор) и внутренний фронт (борьба с протестантизмом) все еще казались единым полем глобального противостояния, внутренний монизм христианского мира, пусть и расколотого, все еще был очевиден как раз в борьбе за лидерство в нем, за иерархию. И поколение политиков, элиты периода войны лишь училось постигать внутренние различия общественных сфер. Здесь же точка зрения самих современников и их мотивы словно бы вытесняются на периферию под давлением законов субсистемного общества современности. Так ход войны в изложении Мюнклера превращается в своего рода поединок политологической метафизики и реального хода событий. Пожалуй, и не сыщешь лучш его примера методологического разрыва между профессиональным историком и политологом, увлекающегося историей. Более того, доказательств возможности применения субсистемных категорий, их историческую экспозицию мы не видим ни в начале, ни в ключевых разделах, ни даже в эпилоге, хотя по логике вещей именно они должны были бы занять одно из центральных мест авторских рассуждений. Для автора они являют изначальную данность, героев войны он судит по навязанному им самим стереотипу.

³⁰ *Münkler, H.* Im Namen des Staates: Die Begründung der Staatsraison in der Frühen Neuzeit. Frankfurt, 1987.

Вторжение шведского короля занимает одно из центральных мест всей книги. Даже Валленштейну, его возвышению и падению, автор не дарует столь много страниц, как знаменитому «льву севера». Главный тезис: мотивы, двигавшие Густавом Адольфом, невозможно выставить иерархией причин. «Политико-государственные интересы» Швеции тесно связывались с религиозным рвением, с желанием протянуть руку помощи единоверцам в Германии. Мюнклер не разделяет голый прагматизм, заявленный у Г. Дройзена, очевиден еще больший скепсис в отношении мнений Г. Тройчке (Густав Адольф как предтеча и образец для Гогенцоллернов) и эксцентричного Г. Барудио (шведский король — предтеча либеральных политиков современной объединенной Европы). Мнение автора, вполне объективное, впрочем, вряд ли ново: большая часть современных историков так или иначе склоняются к синтезу причин³¹.

Автор среди прочего ссылается на нормы международного права, изложенные под пером знаменитого Гроция (защита рубежей собственного суверенитета как законная причина начала войны, где целью выступает поддержание *status quo*). «Интервент Густав Адольф был согласно этому мнению защитником, а император — агрессором»³². Но насколько воспринимались подобные нормы в Стокгольме, иными словами, насколько широкой ощущалась рецепция Гроция в северной Европе? Сам автор цитирует лишь различные высказывания короля перед сословиями и советниками, без отсылок на авторитет права.

Ход и оценки кампаний 1630–1632 гг. строятся на привычном анализе интересов сторон, подкрепляются отсылками на известные авторитеты из области военной истории, дают, впрочем, мало что нового и лишь отчасти меняют угол зрения. Так, например, в обзоре магдебургской катастрофы 1631 г. бросается в глаза эффектный уход от привычного поиска виновных в трагедии в сторону пропагандистско-символического анализа катастрофы. Религиозно-социальный аспект связывается вновь воедино с опо-

³¹ *Kampmann, Chr.* Europa und das Reich... S. 70–71; *Findeisen, J.-P.* Gustav II Adolf von Schweden — der Eroberer aus dem Norden. Graz, 1996; *Press, V.* Kriege und Krise... S. 218f.

³² *Münkler, H.* Der Dreissigjährige Krieg. S. 421.

рой на новейшие исследования (М. Шиллинг), хотя и не все: в примечаниях к сюжету отсутствует почему-то указание на весьма instructивные статьи М. Кайзера, специально посвященные восприятию майских событий 1631 г. глазами протестантских и католических публицистов³³.

Одна из главных целей автора — показать стремление сторон добиться решающего перелома путем крупной военной победы (отсюда и название всего раздела — «Время великих битв»). Главным протагонистом подобного подхода был, по мнению Мюнклера, шведский король. При этом решительность намерений утрачивает собственную энергетику в процессе реализации стратегических планов: такова закономерность, восторжествовавшая на все последующие годы войны. Этот политологический тезис логично продолжает авторский дискурс о военной машине, механизмах ее развития и контроля времен первого «генералата» Валленштейна. Он же формирует хронологические рамки: привычный нам шведский период заканчивается, по сути, развязкой под Лютценом и Нордлингенем, уже в 1633 и 1634 гг. Нордлинген подводит черту под стратегией поиска решающей встречи, знаменует начало новой фазы войны на истощение, поиска побед путем тактики малых, маневренных войсковых соединений. Отсылки преимущественно на американского военного историка Гутри и на книгу Вальтера Штрука не могут вызвать принципиальных возражений, но кажутся все же недостаточными: например, не упоминается диссертация Эриха Лео³⁴. Между тем, целиком построенная на критике источников, отчетов Горна и писем Бернгарда Веймарского, она совершенно в ином свете выставляет способности и реальные заслуги шведского главкома³⁵. Добавим, что

³³ *Münkler, H.* Der Dreissigjährige Krieg. S. 478–485, 891–892; *Kaiser, M.* «Excidium Magdeburgense». Beobachtungen zur Wahrnehmung und Darstellung von Gewalt im Dreißigjährigen Krieg, in: *Ein Schauplatz herber Angst. Wahrnehmung und Darstellung von Gewalt im 17. Jahrhundert, Wallstein* / Hrsg. von D. Meumann, M. Niefanger. Göttingen, 1997. S. 43–64; 2) Die «Magdeburgische» Hochzeit (1631). Gewaltphänomene im Dreissigjährigen Krieg, in: *Leben in der Stadt. Eine Kultur- und Geschlechtergeschichte Magdeburgs* / Hrsg. von E. Labouvie. Köln/Weimar/Wien, 2004. S. 195–213.

³⁴ *Münkler, H.* Der Dreissigjährige Krieg. S. 645–660, 906.

³⁵ *Leo, E.* Die Schlacht bei Nördlingen im Jahre 1634. Halle, 1900.

и Гутри не всегда щедр на частности: описание той же битвы под Нордлингеном страдает у него обзорностью и некоторой шаблонностью, хотя нельзя отказать в обилии приложенного справочного материала. К тому же часто он не столько исследует, сколько воспроизводит уже известное³⁶. То же самое характеризует и обзор битвы под Брейтенфельдом: Гутри и даже явно устаревший труд Дройзена образуют основу реконструкции без внимания к специальным исследованиям немецких историков³⁷. При описании батальных сцен Мюнклер стремится соединить макро- и микроуровни восприятия: много места предоставляется свидетельствам очевидцам и здесь весьма удачно используются новейшие публикации источников из разряда «эго-документов» (записки Петера Хагендорфа, и особенно — полковника Роберта Монро). Несомненно, слово современников обогащает панораму. Но и только: совершенно не видно, как используются они для концептуального развития, подчас производя впечатление лишь большой информационной приставки.

Вновь весьма эффектным становится появление отдельного, своего рода вводного раздела «Собственная жизнь войны и ее картины», предшествующего обзору нордлингенского побоища. В нем Мюнклер сравнивает вереницу образов-героев под кистью великих живописцев, тех героев, которые знаменовали волю и способность к системным решениям с восприятием войны конца 30-х гг. Так, например, рубенсовский «Апофеоз войны» выставлен яркой, зримой вехой перемен. В нем и подобных картинах образ героя, по мысли Мюнклера, все больше уходит на задний план, растворяется аллегорией насилия, теряется на общем фоне трагедии³⁸. Тем самым подчеркивается своего рода символический разрыв между эпохой контролируемой и бесконтрольной войны, войны «самой по себе». Парадоксальным образом здесь Мюнклер сближается с точкой зрения Шиллера. Для великого писателя уход со сцены Густава Адольфа и Валленштейна знаменовал прощание с ключевыми фигурами, воплощавшими идею и принципы войны: они упорядочивали хаос событий, вносили логику в общий ход

³⁶ *Guthrie, W. P.* Battles of the Thirty Years War. From White Mountain to Nordlingen. 1618–1635. Westport, Conn./London, 2002. P. 1f.; P. 272f.

³⁷ *Münkler, H.* Der Dreissigjährige Krieg. S. 491–504, 893–894.

³⁸ *Münkler, H.* Der Dreissigjährige Krieg. S. 635–644.

вещей. После них война перестает быть единым потоком, противостоянием единых партий. Она утрачивает четкий стратегический и политический рисунок, вновь возвращаясь к хаотичному набору элементов. Подобно ему Мюнклер предваряет рассказ о битве под Нордлингеном, вместо пространных рассуждений используя лишь эффектный пример изобразительного искусства.

Мы, разумеется, далеки от мысли отождествлять подходы — просвещенческой философии Шиллера и политологии нашего автора. Разница очевидна. Но удивительным образом обнаруживается сходство и не только в угле зрения. Мюнклер — по-своему — напоминает Шиллера руководящей идеей: спровоцированные войной силы перестали быть подконтрольными сильным личностям, структура явлений отчетливо распадается на разнородные уровни. Противоречия по линии «акция — контракция», «цель и ее деформация» все больше вытесняют способность политиков и военных придать четкий рисунок и довести начатое до желанного конца. Показателен здесь обзор гибели Валленштейна. Для Мюнклера генералиссимус становится жертвой противоречивых обстоятельств — по сути, «недоразумений» геллерсдорфских статей, обещавших ему в 1632 г. сверхполномочия от короны: реальная власть над армией осталась у императора и разрыв по линии мнений и действия между главкомом и короной становился неизбежен. Но в отличие от шведского короля, искавшего решение войны и мира в решающей битве, Валленштейн столь же последовательно искал умиротворения в переговорах, понимая — в отличие от шведского короля, — что победы лишь умножают врагов и проблемы. «Тем самым, — заключает Мюнклер, — исчезли обе возможные перспективы покончить с войной. Война шла дальше — без политических перспектив и без стратегической идеи. Она шла просто сама собой»³⁹. Здесь же мы

³⁹ *Münkler, H. Der Dreissigjährige Krieg. S. 633.* Мало что нового дает показ последних дней Валленштейна. Автор опирается на фундаментальные биографии Вальтера Дивальда и Голо Манна, забывая, впрочем, о существенной разнице в подходах того и другого. На удивление мало использовано исследование Генриха Зирбика (*Srbik, H., Ritter, von. Wallensteins Ende. Ursachen, Verlauf und Folgender Katastrophe. Salzburg, 1952*), объясняющее, почему, в частности, до утра 25 февраля 1634 г., т. е. до последнего дня жизни генералиссимуса,

видим и прозрачное объяснение, почему 1630–1634 гг. отдано почти треть всей книги!

Вряд ли, впрочем, автор последовательно придерживался этой точки зрения в дальнейшем. Стратегические идеи им поясняются равно как и политические мотивы участников. Иное дело, что реализация их тонет в хаосе противоречивых обстоятельств. Складывается представление, что были «идеи» и «стратегические концепты», но они оказались недостижимыми вплоть до Вестфальских переговоров.

Пражский мир 1635 г. для Мюнклера важен лишь как очередная веха «непонимания» участниками войны необходимости скорейшего «политологического прогресса» — отделения религиозного фактора от сословно-политического. Вновь, как и в 1629 г., протестантская Саксония и императорский двор хотели покончить с войной как цельным явлением, не разделяя внутри ее отдельно конфессиональные и чисто политические аспекты, а внутри последних — частные интересы отдельных династий. Правда, теперь действовали в обратном порядке в сравнении с Любекским миром: сперва пытались договориться внутри империи, чтобы потом покончить с иноземным присутствием, т. е. с «внешним фактором». Нокальвинисты вновь не получили удовлетворения, а шведы в отличие от датчан не могли быть скоро изгнаны из империи⁴⁰.

Стратегический очерк последнего периода не лишен сильных сторон. По-новому видится фаза перелома в пользу антигабсбургских сил (период от битвы под Витштоком до падения Брайзаха в 1638 г. в отличие от распространенной и более протяженной хронологии,

никакого реального заговора офицеров в Эгере не существовало. Лишь речь Илло на совещании подтолкнула трех офицеров к действию. Из текста же Мюнклера скорее явствует о наличии спланированного заговора уже накануне (*Münkler, H. Der Dreissigjährige Krieg. S. 629–631*).

⁴⁰ *Münkler, H. Der Dreissigjährige Krieg. S. 661–666*. «Благодаря недостаткам своей конструкции, приведшим в конце концов к развалу, Пражский мир показал, однако, как должен был бы быть заключен всеобщий договор о мире: мир в Империи мог бы водвориться лишь при условии вовлечения в него держав-интервентов. Тем самым Пражский мир стал важным уроком на пути к миру в Мюнстере и Оснабрюке. Он доказывал, что речь шла о европейской войне, которая могла быть окончена лишь на основе общего европейского урегулирования» (S. 662).

захватывающей и «второй Брайтенфельд» 1642 г.). Более дробной предстает и картина военных театров: к обычным двум, северо-восточному и юго-западному, добавлены нижнесаксонский по линии Везера и баварский. Дробление, быть может, несколько натянутое, несомненно, призванное подкрепить идею усложнения стратегического рисунка, его «атомизации» под влиянием менявшихся условий («война шла сама собой»). По-новому расставлен целый ряд акцентов (крепость Ганау как связующий элемент шведско-французского «фронта», оправдание Галласа как типичного представителя оборонительной стратегии школы Валленштейна, вторая битва под Брайтенфельдом как пример новой комбинированной тактики). Прекрасно изложен ход кампаний и отдельные сражения, до последнего времени в целом мало упомянутые на страницах обобщающих работ, как, например, ютландский поход Торстенсона и морские сражения Шведско-датской войны 1644 г. Наконец, удачными представляются и портретные зарисовки вождей, таких как Бернгард Саксен-Веймарский, которому, как и Валленштейну, автор отказывает в праве именоваться кондотьерами войны: слишком разными были общественные позиции и цели этих людей в сравнении с классическим типом наемных военачальников позднего Средневековья. Менее критичной выглядит оценка французских союзников шведов — Конде и Тюренна при описании их военных неудач и сомнительного руководства, особенно в начале 40-х гг. Мюнклера вновь интересует парадокс противоположностей. Особенно подробно он представлен в описании знаменитой битвы под Аллергеймом (одновременность случайностей и неумение ими пользоваться как причина поражения баварских войск)⁴¹ и сражения при Янкау, когда очевидное позиционное превосходство имперской стороны обратилось причиной ее катастрофы⁴². Впрочем, общие оценки отдельных событий вполне созвучны давно устоявшимся и мало что меняют с точки зрения общего обзора.

Давно уже привычным стало помещать раздел о бедах и страданиях населения, о разорительном смерче войны где-то между третьим и последним этапом войны или прямо в описание четвертой фазы. Мюнклер не меняет привычного подхода — соответствующая

⁴¹ *Münkler, H. Der Dreissigjährige Krieg. S. 780–783.*

⁴² *Münkler, H. Der Dreissigjährige Krieg. S. 777–779.*

вставка возникает между двумя главами стратегического очерка (шведский и французский театр). Но вместо статистики, сравнительного анализа данных по городам, деревням и местностям, вместо привычного социального анализа потерь перед нами несколько неожиданный ракурс: «Великая жалоба: укрощение несчастья в литературе и изобразительном искусстве». Автор уходит из-под удара формальных цифр и разворачивает дискурс о феномене насилия, его осмысления и дидактики усмирения под пером и кистью самих современников. Анализ большей частью несамостоятелен: он опирается уже на высказанные суждения, как, например, в оценке знаменитой серии гравюр Калло («Бедствия войны» не живописуют насилие как таковое, а призваны показать силу его усмирения)⁴³. Но Мюнклер видит Калло лишь очевидцем первого этапа войны, когда насилие среди военных могло успешно подавляться институтами самой армии. Серия же гравюр Ганса Ульриха Франка для него — типичный продукт осознания прошедшего после заключения мира: насилие становится общей чертой солдатской жизни и порождает собственную гибель. Довольный, с жалованьем на руках рекрут — потенциальный мертвец. Взгляд удачно подкрепляет общую линию: показать критику несостоятельности контроля над социальным насилием и необходимость его утверждения. Все более растущая демонстрация ужасов войны отражала тем самым чаяния ее скорейшего завершения и восстановления закона и «справедливости». Так зримо формировалось осознание необходимости всеобъемлющего решения о мире.

Концовка книги заметно напоминает вводную часть. Окончание войны, по Мюнклеру, подобно ее прологу: дело заключения мира пошло вперед также незаметно, как и его сокрушение в канун 1618 г., складывалось из многих шагов. Дату начала переговоров, равно как и точку отсчета на пути к миру, указать нелегко⁴⁴. Но сам мир стал возможен лишь осознанием невозможности завершить «одну войну». Лишь структурное вскрытие ее механизма позволило сесть за стол переговоров и довести начатое до конца. Автор не утруждает себя показом деталей, гораздо важнее донести главную идею: с войной было покончено лишь путем ее системного расчленения.

⁴³ *Münkler, H. Der Dreissigjährige Krieg. S.697–709.*

⁴⁴ *Münkler, H. Der Dreissigjährige Krieg. S. 783f.*

Для этого необходимо было и новое поколение политиков, и новое поколение властителей (Фердинанд III и Траутмансдорф как антиподы Фердинанду II и Ламормену), научившихся отделять собственный духовный мир от интересов общества. Взгляд этот далеко не новый, но вполне играющий на итоговую авторскую версию.

Представим, что автор бы этим и кончил книгу: получился бы неплохой, весьма объемный компендиум истории войны, изобилующий, впрочем, общеизвестными суждениями и метафизической политологической основой. Но именно как политолог Мюнклер чувствует потребность в глобальном охвате. И итоги 1618–1648 гг. решительно переносятся им в наш мир, они лишь призваны подчеркнуть схожесть войны с современными, преимущественно ближневосточными, конфликтами.

Подобно тому, как бесконечность насилия отражалась в гравюре и кисти 1618–1648 гг., эта же бесконечность воспроизводится современными афганскими художниками. И подобно тому, как религия выступала интегралом политики в веке семнадцатом, она же до их пор, по мысли Мюнклера, формирует политическое сознание арабского мира. Структурное сходство очевидно для автора в деталях: по линии типов насилия, по вовлеченности отдельных властных элит, по вмешательству извне и по типам самих многих войн, сливающихся в одну непрерывную. Чтобы покончить с этой новой Тридцатилетней войной на Востоке, нужен новый Вестфальский мир⁴⁵.

Здесь политолог окончательно торжествует над историком. Но автор явно забывает возможность историка помочь, быть может, даже в этой ультрасовременной конъюнктуре. Мюнклер видит современные войны на Востоке типологической калькой, для историка же очевидны различия: в исторической Тридцатилетней войне столкнулись силы — общественные группы и страны — одного цивилизационного уровня. При всех конфессиональных различиях протестантская и католическая Европа полагали себя частями целого, резко отличного от «чужого» — Османской Порты и Азии. Вмешательство в войну соседей Империи было, в конечном счете, вмешательством сил, типологически и цивилизационно близких, с которым можно было изъясняться нормированным языком и при-

⁴⁵ *Münkler, H. Der Dreissigjährige Krieg. S. 825f.*

нятыми символами. Нынешнее вмешательство Запада и России в арабский и мусульманский мир явно не подходит для параллелей: вмешиваются совершенно чужеродные элементы. Весьма странным выглядит и предложение, озвученное автором в гипотетичной форме. Не стоило ли выделить ИГИЛ регион для реализации своего проекта, чтобы «доместицировать» движение и обременить его государственным строительством? И не было ли ошибкой Запада решиться уничтожить его?⁴⁶ Наверное, подобно тому, как в 1648 г. наделил конфессиональными свободами кальвинистов или предоставили суверенитет Нидерландам? Любопытно, каким образом ответил бы на этот вопрос и сам автор? Какой регион и каких подданных можно было отвести под указанный проект? Исторический кальвинизм и Нидерланды имели собственное сложившееся историко-географическое пространство, в отличие от ИГИЛ, претендующего на россыпь регионов с собственными альтернативными основаниями.

Не стоит забывать, как кажется, главного: мир 1648 г. стал возможен, в конце концов, на почве общих христианских и социальных ценностей сословного мира западной цивилизации. Мир сегодняшний кардинально иной: он бурлит взаимодействием совершенно разных цивилизационных срезов, исторических опытов и технического прогресса. И он меняется — быстрее, чем западная цивилизация XVII в. Таково мнение историка. Историк же полагает, что Вестфальский мир прежде всего для Германии и Империи не был обращен в будущее: он преимущественно восстанавливал те отношения, которые уже сложились в XVI в. и были закреплены Аугсбургским миром 1555 г. — теперь с поправкой на узаконивание кальвинизма и с новым механизмом решения конфессиональных споров. Увы, у политолога Мюнклера подробного анализа XVI в. и параллелей с ним нет. Историк же видит «союзное право» сословий, полученное в 1648 г., не завоеванием свобод и не переменным фактором «протогосударственного» развития, а вновь лишь легализацией давно сложившейся практики с очень отдаленной «государственной» перспективой. Историк склонен утверждать, что борьба за «универсальную монархию» в Европе, т. е. за иерархию позиций, продолжалась и после 1648 г.

⁴⁶ *Münkler, H. Der Dreissigjährige Krieg. S. 842–843.*

(эпоха Людовика XIV), следы которой можно проследить вплоть до наполеоновской эпохи. Вестфальская система как регулятор международного права, государственных интересов и гражданских свобод для историка была лишь мифом⁴⁷. Что 1648 г. не гарантировал мир на будущее, было ясно уже творцам вестфальских статей и сам автор с этим согласен — войны продолжались параллельно и после Вестфальских соглашений, до конца века охватив большую часть континента. Но если Мюнклер настаивает на актуальности самой войны как прототипа «гибридных» и «асимметричных» конфликтов, якобы нашедших конец после торжества Вестфальской системы, то историк способен возразить и здесь. Множество элементов «гибридности» и «асимметрии» можно обнаружить и после 1648 г., и, тем более, в эпоху Клаузевица. Стоит только вспомнить войну в России 1812 г., Испании и Германии времен наполеоновского владычества, на американском континенте конца XVIII в. Вероятно, с не меньшим успехом можно отыскать те же черты и в более ранние времена — в античности или в позднем Средневековье. Политологическое осмысление уроков 1618–1648 гг. постоянно наталкивается на необходимость осмысления самой эпохи, уникальных духовных и социальных основ. Что состоялось в истории, важно прежде всего для конкретной исторической эпохи, из которой позже сложилось будущее. Профессиональные гипотезы здесь может выстроить только историк, погруженный в эпоху.

Мы еще раз убеждаемся: перед нами не исследование, а манифест. Манифест политолога, обращающий сегодняшние реалии в прошлое и оттуда методологической пружиной вновь бросаемый в будущее. Подобно великому Шиллеру, объявившему историка простым ремесленником, способным лишь на сбор материала, а истинным мыслителем лишь философа, коему дано свести добытое историком воедино, политолог Мюнклер отодвигает актуальность именно исторического дискурса на задний план. Бесспорно, взгляд автора оригинален и интересен. Но если очистить многословный манифест от политологических инвектив, он в глазах историка рискует превратиться в нагромождение

⁴⁷ Точка зрения историка на эти вопросы весьма компактно изложена в новом исследовании Г. Шмидта: *Schmidt, G. Die Reiterder Apokalypse*. S. 610–617, 634–643.

тривиальных суждений. И быть может, политологу следует сперва внимательно прислушаться к историку, исследующему в контексте эпохи, чтобы не рисковать сомнительными ретроспекциями?

Информация о статье

Прокопьев, А. Ю. Тридцатилетняя война под взглядом политолога, В кн.: *Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени*. 2018. Вып. 4 (1). С. 139–168.

Андрей Юрьевич Прокопьев, д. и. н., профессор, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет (199034, Россия, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5)

a.prokopiev@spbu.ru

УДК 94(430).041

Статья рассматривает работу известного немецкого политолога Херффрида Мюнклера, изданную к годовщине начала Тридцатилетней войны. В центре внимания анализ и критика политологических постулатов автора. Насколько можно полагать Тридцатилетнюю войну предтечей современных «гибридных» и «асимметричных» войн? В чем уроки этой войны для современности и можно ли использовать законы современной политологии для анализа раннего Нового времени? Насколько корректным может считаться «вмешательство» современных наук в сферу исторического исследования? Труд известного немецкого ученого исследуется в контексте достижения исторической науки с учетом новейшей литературы, посвященной Тридцатилетней войне. Подчеркивается, что законы политологии, спроецированные в прошлое, едва ли способны помочь реконструировать историческую панораму событий. Они порождают больше вопросов и сомнений. Для успешной аргументации тезисов необходимо учитывать точку зрения историков, занимающихся конкретной эпохой.

Ключевые слова: Тридцатилетняя война, Священная Римская империя, Вестфальский мир, Габсбурги, немецкие сословия, асимметричная и гибридная война, раннее Новое время

Information on the article

Prokopiev, A. Yu. Tridtsatiletnyaya voyna vzhlyadom politologa [Thirty Years War Interpreted by a Politologist], in: *Proslogion: Studies in Medieval and Early Modern Social History and Culture*, 2018. Vol. 4 (1). P. 139–168.

Andrey Yur'evich Prokopiev, doctor of History, professor, Institute of History, St. Petersburg State University (199034, Rossiya, Sankt-Peterburg, Mendeleevskaya liniya, 5)

a.prokopiev@spbu.ru

The article is dedicated to the book of the German political scientist Herfried Münkler, published on the anniversary of the beginning of the Thirty Years' War with the author's political science postulates being critically examined. Is it possible to see the Thirty Years' War as the forerunner of modern «hybrid» and «asymmetric» wars? What are the lessons of this war for modernity and can we use the laws of modern political science to analyze the early modern times? Is the «interference» of modern sciences in the field of historical research academically correct? The work of the well-known German scholar's is analyzed in accordance with historical approach, taking into account the latest literature devoted to the Thirty Years' War. It is emphasized that the laws of political science, projected into the past, can hardly help to reconstruct the historical panorama of events. They only emerge further questions and doubts. For the successful argumentation of the theses, it is necessary to take into account the point of view of historians, specialized in a certain epoch.

Key words: Thirty Years' War, Holy Roman Empire, Peace of Westphalia, Habsburger, German Estates, asymmetrical and hybridical war, Early Modern period

Список литературы и источников

Albrecht, D. Maximilian I. von Bayern 1573–1651. München: Oldenbourg, 1998. 1176 S.

Barudio, G. Der Teutsche Krieg. 1618–1648. Frankfurt am Main: Fischer, 1985. 558 S.

Brockmann, T. Dynastie, Kaiseramt und Konfession. Politik und Ordnungsvorstellungen Ferdinands II. im Dreißigjährigen Krieg. Paderborn: Schöningh, 2011. 516 S.

Findeisen, J.-P. Gustav II Adolf von Schweden – der Eroberer aus dem Norden. Graz: Styria Verlag, 1996. 272 S.

Guthrie, W. P. Battles of the Thirty Years War. From White Mountain to Nordlingen. 1618–1635. Westport, Conn./London: Greenwood Press, 2002. 344 p.

Huch, R. Der große Krieg in Deutschland. Bd 1–3. Leipzig: Insel-Verlag, 1912–1914. 374 S.

Kaiser, M. Die «Magdeburgische» Hochzeit (1631). Gewaltphänomene im Dreissigjährigen Krieg, in: *Leben in der Stadt. Eine Kultur- und Geschlechtergeschichte Magdeburgs* / Hrsg. von E. Labouvie. Köln/Weimar/Wien: Böhlau, 2004. S. 195–213.

Kaiser, M. «Excidium Magdeburgense». Beobachtungen zur Wahrnehmung und Darstellung von Gewalt im Dreißigjährigen Krieg, in: *Ein Schauplatz herber Angst. Wahrnehmung und Darstellung von Gewalt im 17. Jahrhundert* / Hrsg. von M. Meumann, D. Niefanger. Göttingen: Wallstein, 1997. S. 43–64.

Kampmann, Chr. Europa und das Reich im Dreißigjährigen Krieg. Geschichte eines europäischen Konflikts. Stuttgart: Kohlhammer, 2008. 226 S.

Klopp, O. Tilly im Dreißigjährigen Krieg. Bd 1–2. Stuttgart: Cotta, 1861. 557 S.

Leo, E. Die Schlacht bei Nördlingen im Jahre 1634. Halle: T. Niemayer, 1900. 95 S.

Münkler, H. Clausewitz' Theorie des Krieges. Baden-Baden: Nomos, 2003. 28 S.

Münkler, H. Der Wandel des Krieges. Von der Symmetrie zur Asymmetrie. Weilerswist: Velbrück Wissenschaft, 2006. 397 S.

Münkler, H. Die neuen Kriege. Rowohlt: Reinbek bei Hamburg, 2002. 286 S.

Münkler, H. Im Namen des Staates: die Begründung der Staatsraison in der Frühen Neuzeit. Frankfurt: Fischer Bücherei, 1987. 428 S.

Münkler, H. Machiavelli. Die Begründung des politischen Denkens der Neuzeit aus der Krise der Republik Florenz. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch-Verlag, 2004. 506 S.

Münkler, H. Über den Krieg. Stationen der Kriegsgeschichte im Spiegel ihrer theoretischen Reflexion. Weilerswist: Velbrück Wissenschaft, 2003. 350 S.

Münkler, H. Der Dreißigjährige Krieg als Analysefolie für heutige Kriege, in: *Politik im Zeichen der Reformation – der lange Schatten von 1517* / Hrsg. von K. Abmeier. Köln: Bonifatius, Paderborn, 2017. S. 47–51.

Münkler, H. Der Dreißigjährige Krieg. Europäische Katastrophe, Deutsches Trauma 1618–1648. Berlin: Rohwolt, 2017. 974 S.

Press, V. Kriege und Krise. Deutschland 1600–1715. München: C. H. Beck, 1991. 551 S.

Rill, B. Tilly. Feldherr für Kaiser und Reich. München: Universitas-Verlag, 1984. 280 S.

Ritter, M. Deutsche Geschichte im Zeitalter der Gegenreformation und des Dreißigjährigen Krieges. (1555–1648). Bd 3. Stuttgart: Cotta, 1908. 682 S.

Schmidt, G. Die Reiter der Apokalypse. Geschichte des Dreißigjährigen Krieges. München: C. H. Beck, 2018. 810 S.

Srbik, H., Ritter, von. Wallensteins Ende. Ursachen, Verlauf und Folgen der Katastrophe. Salzburg: O. Müller, 1952. 442 S.

Wilson, P. Europe's Tragedy: A History of the Thirty Years War. London: Allen Lane, 2009. 1040 p.

References

Albrecht, D. Maximilian I. von Bayern 1573–1651. München: Oldenbourg, 1998. 1176 S.

Barudio, G. Der Teutsche Krieg. 1618–1648. Frankfurt am Main: Fischer, 1985. 558 S.

Brockmann, T. Dynastie, Kaiseramt und Konfession. Politik und Ordnungsvorstellungen Ferdinands II. im Dreißigjährigen Krieg. Paderborn: Schöningh, 2011. 516 S.

Findeisen, J.-P. Gustav II Adolf von Schweden — der Eroberer aus dem Norden. Graz: Styria Verlag, 1996. 272 S.

Guthrie, W. P. Battles of the Thirty Years War. From White Mountain to Nordlingen. 1618–1635. Westport, Conn./London: Greenwood Press, 2002. 344 p.

Huch, R. Der große Krieg in Deutschland. Bd 1–3. Leipzig: Insel-Verlag, 1912–1914. 374 S.

Kaiser, M. Die «Magdeburgische» Hochzeit (1631). Gewaltphänomene im Dreißigjährigen Krieg, in: Labouvie, E. (Hrsg.) *Leben in der Stadt. Eine Kultur- und Geschlechtergeschichte Magdeburgs*. Köln/Weimar/Wien: Böhlau, 2004. S. 195–213.

Kaiser, M. «Excidium Magdeburgense». Beobachtungen zur Wahrnehmung und Darstellung von Gewalt im Dreißigjährigen Krieg, in: Meumann, M., Niefanger, D. (Hrsg.) *Ein Schauplatz herber Angst. Wahrnehmung und Darstellung von Gewalt im 17. Jahrhundert*. Göttingen: Wallstein, 1997. S. 43–64.

Kampmann, Chr. Europa und das Reich im Dreißigjährigen Krieg. Geschichte eines europäischen Konflikts. Stuttgart: Kohlhammer, 2008. 226 S.

Klopp, O. Tilly im Dreißigjährigen Krieg. Bd 1–2. Stuttgart: Cotta, 1861. 557 S.

Leo, E. Die Schlacht bei Nördlingen im Jahre 1634. Halle: T. Niemayer, 1900. 95 S.

Münkler, H. Clausewitz' Theorie des Krieges. Baden-Baden: Nomos, 2003. 28 S.

Münkler, H. Der Wandel des Krieges. Von der Symmetrie zur Asymmetrie. Weilerswist: Velbrück Wissenschaft, 2006. 397 S.

Münkler, H. Die neuen Kriege. Rowohlt: Reinbek bei Hamburg, 2002. 286 S.

Münkler, H. Im Namen des Staates: die Begründung der Staatsraison in der Frühen Neuzeit. Frankfurt: Fischer Bücherei, 1987. 428 S.

Münkler, H. Machiavelli. Die Begründung des politischen Denkens der Neuzeit aus der Krise der Republik Florenz. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch-Verlag, 2004. 506 S.

Münkler, H. Über den Krieg. Stationen der Kriegsgeschichte im Spiegel ihrer theoretischen Reflexion. Weilerswist: Velbrück Wissenschaft, 2003. 350 S.

Münkler, H. Der Dreissigjährige Krieg als Analysefolie für heutige Kriege, in: Abmeier, K. (Hrsg.) *Politik im Zeichen der Reformation – der lange Schatten von 1517*. Köln: Bonifatius, Paderborn, 2017. S. 47–51.

Münkler, H. Der Dreissigjährige Krieg. Europäische Katastrophe, Deutsches Trauma 1618–1648. Berlin: Rohwolt, 2017. 974 S.

Press, V. Kriege und Krise. Deutschland 1600–1715. München: C. H. Beck, 1991. 551 S.

Rill, B. Tilly. Feldherr für Kaiser und Reich. München: Universitas-Verlag, 1984. 280 S.

Ritter, M. Deutsche Geschichte im Zeitalter der Gegenreformation und des Dreißigjährigen Krieges. (1555–1648). Bd 3. Stuttgart: Cotta, 1908. 682 S.

Schmidt, G. Die Reiter der Apokalypse. Geschichte des Dreißigjährigen Krieges. München: C. H. Beck, 2018. 810 S.

Srbik, H., Ritter, von. Wallensteins Ende. Ursachen, Verlauf und Folgen der Katastrophe. Salzburg: O. Müller, 1952. 442 S.

Wilson, P. Europe's Tragedy: A History of the Thirty Years War. London: Allen Lane, 2009. 1040 p.